

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

А. П. Григорьев

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ XIII—XIV вв.

Улус Джучи, т. е. государственное образование, за которым в научной литературе закрепилось название Золотая Орда, в XIII—XIV вв. управлялся представителями рода Чингизидов, которые, как известно, были монголами. Попытки автора этих строк приступить к формулярному анализу золотоордынских актов XIII—XIV вв., сохранившихся только в старинных русских переводах¹, выявили практическую необходимость ответа на вопрос: на каком языке эти документы были написаны первоначально? Названный вопрос с неизбежностью влечет за собой проблему в целом — на каком языке составлялись все официальные документы Золотой Орды в XIII—XIV вв.?

В собственно Монголии названного периода времени господствующим языком общения и официальным языком был монгольский. При этом известны различного рода многолетние контакты монголов с древними тюрками, проживавшими на той же территории, а в XIII—XIV вв. — с тюркоязычными уйгурами. Европейский путешественник середины XIII в. Гильом Рубрук, зная, что в языке «югуров (уйгуров. — А. Г.) заключается источник и корень турецкого (тюркского. — А. Г.) и команского (половецкого. — А. Г.) наречия»², в то же время писал о том, что «моалы (монголы. — А. Г.) заимствовали их письмена, и югуры являются главными писцами среди них»³. «И Мангу-хан (монгольский великий хан Мункэ. — А. Г.) посылает вам (французскому королю Людовика IX. — А. Г.) грамоту на языке моалов, но письменами

¹ См., например, А. П. Григорьев. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII—XV вв. — «Востоковедение». 3. Л., 1977, с. 132—156; о н ж е. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII—XIV вв. — «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки». Вып. 5. Л., 1980, с. 15—38; о н ж е. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII—XIV вв. — «Востоковедение». 7. Л., 1980, с. 155—180.

² Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие в восточные страны. — Путешествия в восточные страны Плаано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 131.

³ Там же, с. 130.

югуров»⁴. Посланец римского папы Иннокентия IV Дживонни дель Плано Карпини, еще в ноябре 1246 г. побывавший в ставке монгольского великого хана Гуюка, рассказывал о том, что монгольская грамота Иннокентию IV была написана по-монгольски. Тут же в ханской ставке она была растолкована при помощи толмачей самому Плано Карпини и его спутникам, которые переписали это толкование по-латыни. Затем монгольская канцелярия изготовила и заверила ханской печатью персидский текст грамоты — на тот случай, «чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает господин папа»⁵.

Вопрос о национальной принадлежности официального языка Золотой Орды XIII—XIV вв. представляется более сложным. Дело в том, что господствующая монгольская верхушка в золотоордынском обществе испытывала несравненно более сильное ассимилирующее влияние со стороны разноплеменной, по преимуществу тюркоязычной, численно намного превышающей монголов массы населения Золотой Орды. Арабский автор Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Фадлаллах ал-Умари (1301—1348) в своем сочинении «Пути взоров по государствам разных стран» так описал процесс языковой ассимиляции золотоордынских монголов: «В древности это государство было страной кипчаков (половцев. — А. Г.), но когда им завладели татары (монголы. — А. Г.), то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе. . .»⁶

Если и не с исчерпывающей глубиной и полнотой, то, во всяком случае, очень ярко и образно ал-Умари описал процесс, который в конце концов привел к тому, что после 1380 г., т. е. после того, как власть в Золотой Орде перешла в руки Токтамыша, мы уже не имеем ни одного документального подтверждения монголоязычия золотоордынских ханов, т. е. Чингизиды становятся тюрками.

Монгольский язык в Золотой Орде был еще в ходу не только в XIII в., что вполне естественно, но и в XIV в. Например, началом XIV в. датируется золотоордынская рукопись на бересте,

⁴ Там же, с. 129.

⁵ Д ж. д е л ь П л а н о К а р п и н и. История монгалов. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 79.

⁶ Цит. по: В. Г. Т и з е н г а у з е н. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884, с. 235.

найденная в 1930 г. на левом берегу Волги близ с. Терновки (ныне Саратовская обл. РСФСР). Рукопись написана уйгурским алфавитом большей частью по-монгольски, меньшей — по-уйгурски. Монгольская часть рукописи представляет собой образчик лирической поэзии, древнемонгольской народной лирики⁷. Рукопись была извлечена из погребения, датируемого XIV в., но которое по археологическим признакам может быть отнесено и к XV в.⁸ Приведенный пример свидетельствует о том, что и в XIV в. в Золотой Орде различные слои общества говорили и писали по-монгольски. Господствующий класс — представители рода Чингизидов в особенности — традиционно придерживался монгольского языка, бывшего для них, видимо, языком и домашним, и придворным. Сохранилось свидетельство персоязычного автора XIV в. Вассафа о том, что золотоордынский хан Узбек (1312—1342) говорил со своими приближенными по-монгольски⁹.

Вернемся к вопросу об официальном языке Золотой Орды XIII—XIV вв. Поскольку на официальном языке составлялись, в частности, документы внешних сношений, за два указанных века мы можем отобрать из довольно скудного числа сохранившихся источников несколько разноязычных свидетельств, освещающих названную проблему. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Плано Карпини, побывавший в ставке Бату на Волге в апреле 1246 г., писал: «. . . мы поднесли грамоту (на латинском языке. — А. Г.) и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам. . . и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письма русские и саррацинские (персидские. — А. Г.) и на письма татар (монголов. — А. Г.); этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его»¹⁰. Напомним также и о том, что монгольский источник XIII в. «Сокровенное сказание» («Нигуча Тобчиян») сохранил текст богословской преамбулы к донесению на монгольском языке, которое послал Бату великому хану Угэдэю в 1238 г.¹¹

Итак, во времена первого золотоордынского хана Бату (1227—1255) золотоордынская канцелярия вела делопроизводство на монгольском языке. Грамоты, исходившие от европейских государей, переводились вначале на русский язык, ибо среди русских людей легче всего можно было найти человека, знавшего латынь —

⁷ Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте. — СВ. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 81—134, табл. I—XXIV.

⁸ Там же, с. 81.

⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 89.

¹⁰ Д. Ж. дель Плано Карпини. История монгалов, с. 71.

¹¹ А. П. Григорьев. Эволюция формы адресанта, с. 137. Историко-графический анализ «Нигуча Тобчиян» см. в кн.: Ш. Б и р а. Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М., 1978, с. 36—74.

тогдашний язык европейской учености и межгосударственных сношений. С русского языка грамота переводилась на первый восточный — «саррацинский» язык. Саррацинами в средневековой Европе называли вообще всех мусульман¹², так что саррацинское письмо — это, конечно, арабское письмо. Поскольку первыми мусульманами, заимевшими прочные экономические и культурные контакты с монголами, были персы, то в данном случае саррацинский язык грамоты — это персидский язык, переданный буквами арабского алфавита. Персидский экземпляр перевода перелгался на второй восточный язык — монгольский — буквами уйгурского алфавита.

Рубрук посетил ставку наследника золотоордынского престола Сартака в августе 1253 г. Он рассказывает, что подал на имя Сартака грамоту Людовика IX, написанную по-латыни, «с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее . . . на оба языка и письма; и при дворе Сартаха были армянские священники, которые знали по-турецки (видимо, по-половецки. — А. Г.) и по-арабски. . .»¹³. Иными словами, здесь мы встречаем ту же «промежуточную» саррацинскую грамоту, но уже на арабском языке.

Обратимся к дипломатическим сношениям Золотой Орды с мамлюкским Египтом. Перипетиям их взаимоотношений в XIII—XIV вв. посвящено монографическое исследование С. Закирова¹⁴. Средневековые арабские авторы сообщают ряд интересных для нас деталей этих взаимоотношений.

В 1263 г. послы золотоордынского хана Берке привезли в Египет его письмо, в котором сообщалось о принятии им ислама. Послание было датировано 1 раджаба 661/11 мая 1263 г. и написано в «ставке Итиль» (т. е. на Волге)¹⁵. Мы уже достаточно хорошо знаем способ датировки чингизидских документов того времени¹⁶, а потому можем заключить, что письмо Берке было написано по-персидски или по-арабски. Значит, то был не первоначальный,

¹² Этноним саррацины происходит от имени жены библейского патриарха Авраама Сарры. Библейская традиция считает сына Авраама Измаила родоначальником арабов — первого народа, принявшего ислам. Потому арабов и вообще всех мусульман христиане называли измаильянами. Авраам пропзвел Измаила от наложницы Агари. Другое название измаильтян — агаряне. Поскольку настоящей женой Авраама была Сарра, агарян именовали и саррацинами. Арабские знатоки родословий признавали происхождение северных арабов от сына Авраама (Ибрахима) Измаила (Исмаила), а южных арабов — от Иактана (Кахтана) (см.: Е. А. Б е л я е в. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, с. 67).

¹³ Г и л ь о м д е Р у б р у к. Путешествие в восточные страны, с. 113.

¹⁴ С. З а к и р о в. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966.

¹⁵ В. Г. Т и з е н г а у з е н. Сборник материалов. Т. 1, с. 99.

¹⁶ А. П. Г р и г о р ь е в. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978, с. 55—70.

монгольский, его текст, а лишь перевод. В переводчиках при дворе Берке недостатка не было. Известно, например, что его везир (сейчас мы бы сказали — министр иностранных дел) Шараф ад-Дин ал-Казвини разговаривал с египетскими послами без переводчика по-арабски и по-тюркски¹⁷.

В 1272 г. в Египте были получены письма золотоордынского хана Мункэ-Тимура, написанные по-арабски и по-персидски¹⁸. Естественно, речь шла о «промежуточном» персидском переводе монгольского письма Мункэ-Тимура, с которого был выполнен еще и арабский перевод. Персидский текст, скорее всего, был заверен ханской печатью и выполнял роль оригинала, т. е. повторилась ситуация, которую благодаря Плано Карпини мы уже наблюдали в ставке монгольского великого хана Гуюка в 1246 г.

В 1283 г. золотоордынский хан Тодэ-Мункэ в письме уведомил мамлюкского султана о принятии им ислама. Арабоязычные источники сообщают, что письмо было написано по-монгольски¹⁹ и для прочтения в Египте его потребовалось перевести на арабский язык²⁰. Эти сообщения современников подтверждают наше допущение о том, что и все предыдущие послания золотоордынских ханов к мамлюкским султанам вначале писались по-монгольски, а затем уже переводились на персидский и арабский языки. Чем же объяснить такое странное, на первый взгляд, явление, что в 1263 и 1272 гг. золотоордынская канцелярия направляла в Египет переводы ханских писем, а в 1283 г. монгольский текст ханского послания потребовалось переводить в самом Египте?

Мы объясняем этот факт прогрессом во взаимоотношениях между двумя странами. Видимо, к 1283 г. при султанском дворе в Египте был создан специальный штат чиновников, занимавшихся переводом монгольских документов на арабский язык. Для XIV в. тому есть документальное подтверждение. Говоря о порядке переписки с золотоордынским ханом Джанибеком (1342—1357), ал-Умари сообщает о том, что иногда «пишется по-арабски. . . но большею частью пишется к нему по-монгольски», для чего при дворе имеются специальные чиновники²¹. Следовательно, не только для золотоордынской канцелярии отпала необходимость переводить оригиналы ханских грамот вначале на персидский, а затем на арабский языки, но и египетская канцелярия стала отправлять свои бумаги в Золотую Орду на языке, принятом в этой стране в качестве официального.

Переписка между золотоордынскими ханами и русскими великими князьями в XIII—XIV вв. на языке оригинала до нас не

¹⁷ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов. Т. 1, с. 192.

¹⁸ Там же, с. 361.

¹⁹ Там же, с. 68.

²⁰ Там же, с. 105.

²¹ Там же, с. 251.

дошла. От этого времени сохранились шесть жалованных грамот, выданных золотоордынскими ханами и ханшей Тайдулой русскому духовенству. Этот интереснейший источник, важность которого для истории как Золотой Орды, так и Русского государства трудно переоценить, на протяжении длительного времени подвергался эпизодическому изучению со стороны русских и советских ученых²². Подытоживая результаты этого изучения и внося в него свою лепту, советский тюрколог А. К. Боровков заявил: «По всем данным, подлинные ярлыки русским митрополитам писались на книжном тюркском языке золотоордынской эпохи уйгурскими или арабскими литератами — последнее вероятнее»²³.

Попытки автора этих строк исследовать отдельные части формуляров названных золотоордынских ярлыков привели к следующим результатам. Анализ текста мотивировочных статей (неудачно названных тогда статьями-адресантами) трех ярлыков золотоордынских ханов Мункэ-Тимура, Бердибека и Тюляка показал, что категорический вывод А. К. Боровкова о языке и системе письменности этих актов является преждевременным. Первая строка богословской преамбулы в мотивировочных статьях всех трех ярлыков с равным основанием могла быть написана в оригинале и по-монгольски, и по-тюркски. Вторая строка этой преамбулы в ярлыке Мункэ-Тимура больше походит на русскую кальку с монгольского, а одинаковые вторые строки в преамбулах ярлыков Бердибека и Тюляка лишь предположительно могут быть отнесены к тюркским. Собственно адресант трех ярлыков состоит из одного личного имени, что характерно для золотоордынских и крымскоханских документов XV—XVI вв., но одновременно и для грамот Чагатаидов XIV в., которые писались уйгурским алфавитом по-монгольски. Указ мотивировочных статей трех ярлыков мог быть написан и по-монгольски, и по-тюркски. Дословный русский перевод не позволяет отдать предпочтение ни тому, ни другому варианту. И наконец, если допустить, что тексты мотивировочных статей в двух последних ярлыках были первоначально написаны по-тюркски, то уж, конечно, это было выполнено не арабскими, а уйгурскими литератами. В противном случае им должны были предшествовать статьи богословия, обязательные для документов ханов-мусульман, создаваемых при помощи арабского алфавита²⁴.

Анализ текста удостоверительных статей формуляров тех же трех ярлыков склоняет автора этой работы к мысли о том, что

²² А. А. З и м и н. Краткие и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962, с. 28—40.

²³ А. К. Б о р о в к о в. Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам. — ИАН СССР, сер. лит-ры и яз. 1966, т. 25, вып. 1, с. 18.

²⁴ А. П. Г р и г о р ь е в. Эволюция формы адресанта, с. 137—146.

первоначально золотоордынские ярлыки были написаны по-тюркски. Схема построения удостоверительной статьи в ярлыке Мункэ-Тимура совпадала с таковой в грамотах Тимуридов, созданных уйгурским алфавитом по-тюркски. Схемы построения удостоверительных статей в ярлыках Бердибека и Тюляка могли быть приложены к таковым же в грамотах Чингизидов и на тюркском, и на монгольском языках. Однако типично уйгурское обозначение месяца в дате выдачи ярлыка Бердибека, транслитерация слова *пайуза* в форме *байса*, сам факт присутствия в удостоверительной статье этого слова, а не однозначного монгольского термина *герге*, а также транслитерация слова *бахши* в форме *бахши* убеждают исследователя в том, что удостоверительная статья в ярлыке Бердибека прежде была написана на тюркском языке, но не арабским, а уйгурским алфавитом. По аналогии с ярлыком Бердибека и в ярлыке Тюляка удостоверительная статья реконструировалась в тюркской форме. Об уйгурской, а не арабской системе письма свидетельствовала транслитерация слов *тариш* (*дарык*) и *зу-ль-каада* (*сылгата*)²⁵.

Последующее проникновение в структуру и первоначальный смысл сохранившихся в русском переводе текстов трех названных золотоордынских ярлыков привело автора этих строк к новым открытиям и выводам. Анализ статей, содержащих обращение в формулярах ярлыков, показал, что подавляющее большинство оборотов и отдельных элементов в этих статьях с равным основанием может быть принято за дословные переводы и с тюркского, и с монгольского языков.

Наряду с этим в каждой статье-обращении были обнаружены слова, которые могли быть кальками только с тюркского языка. В ярлыке Мункэ-Тимура содержится обращение «к баскаком». Выяснено, что *баскак* — тюркское слово, точно соответствующее монгольскому термину *даруга*. В ярлыках Бердибека и Тюляка есть обращение к «волостным самим дорогам». Прежде оно понималось исследователями как искаженное выражение типа «к волостным и селным (т. е. сельским. — А. Г.) даругам». Мною доказано, что слово «сам» (в приведенном выше сочетании оно стоит в дательном падеже множественного числа) не могло быть ничем иным, кроме слова *кенд* («город»), принятого средневековым переводчиком за тюркское слово *кендю* («сам») и дословно переведенного на русский язык. Получалось, что тексты ярлыков могли переводиться только с тюркского языка.

Приведенные языковые факты вступали в противоречие с другими фактами — наличием в русском переводе ярлыков слов и словосочетаний, которые могли быть переведены только с монголь-

²⁵ А. П. Григорьев. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков, с. 15—38.

ского. В ярлыке Мункэ-Тимура есть обращение «к данщиком». Слово «данщик» соответствовало монгольскому термину *ясакчи*, который в русских источниках XIII в. употреблялся в форме «ясашик». Обращение «к писцам» не содержало в себе, на первый взгляд, указания на его первоначальную языковую принадлежность. Тюрки и монголы пользовались для обозначения писцов одним термином *битигечи* / *бичигечи*. Однако во всех тюркских золотоордынских ярлыках, сохранившихся на языке оригинала, мы встречаем этот термин в сочетании с определением — *диван битигечилер* («писцы государственной канцелярии»). Следовательно, обращение «к писцам» в ярлыке Мункэ-Тимура — калька с монгольского. В ярлыках Бердибека и Тюляка статья-обращение начинается словосочетанием «Татарьским улусным», которое реконструируется мною в форме *Монгол улус-ун* («Монгольского улуса»). Такое словосочетание встречалось в легенде на монгольской печати великого хана Гуюка, а тюркский перевод его звучал *Улуг улусунг* («Великого улуса»). По-монгольски звучит и титул беглербега Мамай в обращении ярлыка Тюляка — *дятин* = *ду-тун* (тюркск. *тутунг*)²⁶.

В этом плане представляет интерес и жалованная грамота от 1347 г. ханши Тайдулы. Она содержится в том же сборнике русских переводов золотоордынских ярлыков, выданных русскому духовенству²⁷. Обращение в грамоте приводило в недоумение всех исследователей, ибо оно было предельно кратким и непонятным: «к таиде»²⁸. На основании тюркского лексического материала обращение никак не переводилось, а потому и все начало грамоты было признано дефектным²⁹. Между тем известно, что буддийские монахи и буддийское духовенство в целом в грамотах Чингизидов назывались по-монгольски *toyid* (в грамотах квадратного письма — *doyid*)³⁰. Известно, что в обращении монгольских жалованных грамот в качестве заинтересованных лиц выступали и представители духовенства, в частности буддисты³¹. Слово *toyid* в статье-обращении должно было стоять в дательном падеже, т. е. в форме *toyid-da*. Отсюда и русское «к таиде» в грамоте Тайдулы. Резонно было бы заметить, что буддийские монахи в русских монастырях вроде бы лишние. Однако мы уже встречались с положением, когда в тюркской грамоте Шахруха, обращен-

²⁶ А. П. Григорьев. Обращение в золотоордынских ярлыках, с. 155—180.

²⁷ Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание). — Памятники русского права. Вып. 3. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955, с. 466—467.

²⁸ Там же, с. 466

²⁹ Там же, с. 475.

³⁰ А. П. Григорьев. Монгольская дипломатика, с. 74.

³¹ Там же, с. 43.

ной как будто бы к буддийским монахам (tojunlarǵa), речь шла, скорее, о мусульманских «монахах»³². Видимо, с таким же успехом слово *тойид* (ед. ч. *тойин*) могло применяться и для обозначения русских православных монахов.

Совместить и разрешить приведенные выше языковые противоречия можно с помощью лишь одного допущения: золотоордынские ярлыки вначале были написаны по-монгольски, затем дословно переведены на тюркский (мы сознательно употребляем условное обозначение «тюркский», не связывая его тем самым ни с одним из известных языков или диалектов тюркской языковой семьи), а уже с тюркского — на русский язык. Иными словами, тюркский язык в русско-монгольских отношениях XIII—XIV вв. выполнял роль языка-посредника. Система письма при этом применялась уйгурская. Мамлюкским султанам Египта, которые были тюрками по происхождению, но мусульманами по религии и знали только арабскую письменность, в качестве языка-посредника на первых порах больше подходил персидский.

Остается назвать еще один вид официальных письменных документов золотоордынских ханов XIII—XIV вв. Речь идет о пайцзах — своего рода верительных, проезжих и иммунитетных грамотах, писавшихся на золотых или серебряных пластинках. На территории нашей страны найдены серебряные пайцзы золотоордынских ханов Токту (1290—1312), Узбека (1312—1342), Кельдибека (1360—1361) и Абдаллаха (1360/61—1370/71)³³. Легенды на всех пайцзах писались по-монгольски буквами уйгурского алфавита.

Наш общий вывод сводится к следующему: официальным языком Золотой Орды XIII—XIV вв. (до 1380 г.) был монгольский, употреблявшийся в уйгурской письменной форме.

³² Там же, с. 46, 94.

³³ А. П. Григорьев. Эволюция формы адресанта, с. 134—136; N. Ts. M ù n k ü y e v. A New Mongolian p'ai-tzü from Simferopol. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae». Т. 31. Fasc. 2. Budapest, 1977, с. 185—215.